Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика

Заря Запада

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Двухнедельный иллюстрированный журнал

Март 1949

Изд. Мин. С. Р. и К. Деп.

Март № 1.

Дворец труда в Минске.

МИНСК

№ 1. ЗАРЯ ЗАПАДА Цена 2 р.
ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ.
АДРЕС РЕДАКЦИИ: Петропавловская ул. № 30 (д. быв Дворянск. Собрания).
ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: 1 м.—4 р., 2 м.—8 р., 3 м.—12 р. с доставкой и пересылкой.
АДРЕС КОНТОРЫ: Губагентство Центропечати. Уг. Губернат. и Подгорн., д. Свенцицкого.
1919 г. г. МИНСК. 15 Марта.

НАШ ЖУРНАЛ.

Полтора месяца тому назад в местных партийных и советских кругах возникла мысль издавать иллюстрированный журнал, который, главным образом, отражал бы в себе культурное строительство новой жизни в Белоруссии и отчасти давал бы пролетарским читателям новый беллетристическо-научный материал.

О том, что таковой журнал необходим, говорить не приходится.

Наш литературный рынок пока еще весьма беден литературно-художественными произведениями и иллюстрированными изданиями. Это явление

Члены Президиума Правит. Сов. Белоруссии—т. т. (слева—направо) Калманович, Мясников и Кнорин. (Февр. 1919 г.)

не столько зависит от отсутствия новых пролетарских писателей, которые уже появились и с течением времени—будут появляться все в большем количестве, сколько от многих чисто технических причин.

Нам понадобилось полтора месяца для того, чтобы преодолеть многие технические затруднения и несмотря на этот долгий срок, мы сегодня выходим в свет далеко не в том виде, в каком мы предполагали выпустить наш журнал.

Мало бумаги, нет цинкографий, плохо работают машины...

Но, несмотря на все это, сегодня, выпуская журнал, мы имеем много оснований утверждать, что наш журнал будет выходить аккуратно и с каждым месяцем будет улучшаться и внешне, и по своему содержанию.

Нами произведено много интересных фотографических снимков в Белоруссии и Литве, снимки эти переданы в целый ряд цинкографий (в столицах и в провинции), приглашено несколько художников и каррикатуристов, добыта бумага, краска, новые шрифты и проч.

Думаем, что месяца через два пролетарский читатель заметит наше улучшение, а пока—он да не осудит нас!

К нам обращались некоторые лица с вопросом—почему мы назвали наш журнал: „Заря Запада"? Ведь на Западе бывает заря не восходящая, а заря заката?

Отвечаем по этому поводу: мы имеем в виду ту зарю, которая одинаково восходит сейчас на Западе, на Севере, на Юге и на Востоке. **Зарю социальной революции.**

В честь ее мы и назывем наш журнал.

В заключенье, мы обращаемся ко всем пролетарским писателям,—столичным и провинциальным,—с убедительнейшей просьбой поддержать наше издание присылкой разного рода рукописей. Мы будем весьма благодарны за присылаемые повести, рассказы, небольшие пьески, стихотворения и художественно-написанные корреспонденции.

Нам нужны интересные фотографии, зарисовки, шаржи и каррикатуры.

Все подходящее будет использовано и оплачено по существующим нормам.

Редакция.

КОРОЛЬ КАПИТАЛ.

(Повесть).

I.

Его величество король Капитал отдыхал в своем роскошном кабинете.

Откинувшись на спинку кресла он, в полудремоте, смотрел, вдаль через открытую дверь своего балкона.

Как на ладони перед ним виднелись все его обширные владения: города, села, деревни, горы, поля, моря, пустыни и беспредельные степи...

Сильный глаз короля Капитала мог видеть все на тысячеверстные пространства.

Веки короля силились закрыться, но он смотрел, ибо какой-то внутренний голос, шептал ему: Гляди! Гляди! Знай, как велики твои пространства!. Как огромно твое королевство, как неоценимы твои богатства.

Ты, Капитал, король мира, тебе подчинен весь шар земной со всеми, кто населяет его. Ты—один король, ибо все другие цари, князья, герцоги и короли—только лишь старшие из рабов твоих.

Царству твоему есть начало, но нет ему конца в веках и ты, рожденный, когда то, не уйдешь из вселенной.

Ты—сам бог, ибо это для тебя стоят храмы, во имя твое слагают молитвы, именем твоим клянутся, ради тебя рождаются, живут и умирают.

Так шептал королю Капиталу какой-то невидимый голос и перебил сон у Капитала.

„Неужели все я, я и я?—мысленно спросил себя Капитал и лицо его озарилось счастливой улыбкой. –Неужели только для меня все творится на земле, неужели нет другого начала, вот в этом мире, который простирается передомной? А быть может есть? Быть может будет конец царству короля Капитала?“

Его величество сдвинул свои густые брови и мысль его начала интенсивно работать.

„Но кто же тот, надеющийся занять мое место на троне? Ужели есть во вселенной та сила, которая могла бы свергнуть меня“, думал король Капитал и глаза его блестели ярким блеском...

Тихо было во дворце Капитала, ибо никто не смел нарущать покой своего господина. Никто! Даже возлюбленные короля переходили на свои половины в то время, когда отдыхал король Капитал и там ожидали пока проснется король и позовет их для ласк, неги и веселья.

Одни лишь старые часы, которые назывались „время“, однотонно пели свою вечную песню. Эту песню называли „ходом“ и говорили, что часы Капитала появились вместе с ним и, подобно ему, никогда не замолкнуг.

— Время! Ты знаешь—будет ли конец моему царству, или не будет?—громко спросил король Капитал.

— Та-ак, та-а-к, та-а-к, та-ак...—ответил маятник часов, качаясь вправо и влево.

— Да что „так, так“!?! Я не понимаю...—сказал Капитал, вглядываясь в огромное поле циферблата.

— Бум! Б-у-ум! Бу-ум!...—запели часы в ответ королю и стрелки обозначили шесть.

— Чу... проклятая песня немая!—процедил сквозь зубы Капитал, отвернулся от часов и снова начал смотреть на свои владения.

Королю показалось, что слишком сгущается дым в одном месте, что зарево, которое обыкновенно появляется то здесь, то там в царстве его сегодня не в меру ярко и весьма широко.

1-ый дом Советов в Минске (быв. губернаторский дом).

Праздник коммунистической молодежи в Минске (на Площади Свободы).

Его величество напряг свое зрение и начал прислушиваться.

— А—а—а—ай! О—о—о—ой! У—у—у—у..... — донеслись до ушей короля какие-то звуки, заглушаемые сильным грохотом.

Его величество король Капитал не понимал в чем дело. Он пожал плечами, стиснул губы и мизинцем нажал пуговку маленького электрического звонка.

Бесшумно из-за дорогой портьеры точно вырос один из министров королв Капитала.

Остановившись у порога, он наклонил свою голову и ждал, почти превратившись в изваяние.

— Подойди сюда,—не поворачивая головы произнес король Капитал.

Министр исполнил приказачие.

—Что вашему величеству угодно?—тихо спросил он короля.

— Посмотри в даль и послушай... Мне кажется, что в царстве моем что-то не ладно...—приказал Капитал.

Министр посмотрел и послушал.

— Ваше величество,—робко начал он после паузы....

— Говори всю правду, министр!—приказал Капитал. Не слишком ли много дыма, не большее ли зарево, чем полагается и что значат эти черезчур сильные крики, стоны и грохот.

— Ваше величество, вам известно, что верноподданные вашего величества—господа капиталисты—ведут между собой войну.

— Знаю, капиталисты спорят между собой из-за рынков... Что же из этого?—удивился Капитал.

— Ваше величество,—продолжал мягким тоном министр,—война приняла более широкие формы, чем все предыдущие войны...

— Ну и что же?—топнул ногой Капитал.

— Орудийный дым и зарево пожаров окутали всю Европу,—пролепетал министр.

Король на минуту задумался.

— А это... не угрожает моему королевскому трону?—с тревогой в голосе спросил Капитал.

— Н—нисколько, ваше величество.—Правда, рабы-Трудящиеся—слишком уж стонут, их крики очень громки, но...

Министр замялся.

— Говори!—приказал Капитал.

— Вся мудрая политика вашего величества сумеет, конечно, сдержать рабов и они не выйдут из повиновения,—уверенно ответил министр.

— Ты думаешь? А если выйдут? Ведь эти пигмен-Трудящиеся со своей „царицей" Революцией уже неоднократно смели восставать против моей могущественной власти...

— И всякий раз были жестоко подавляемы,—поспешил ответить министр.

— Н—да... это, конечно, так...—тихо сказал Капитал и на минуту умолк. Затем он приказал министру:

— Пригласи сюда царицу Рекламу и баронессу Моду.

Министр, поклонившись, ушел.

Реклама и Мода—две родные сестры—были любимейшие наложницы короля Капитала. Рекламу король всегда называл царицей.

Снова воцарилась тишина в кабинете, нарушаемая лишь ходом часов.

Король опять напряг свое великолепное зрение и слушал.

Видел он, что зарево войны его верных сынов—Капиталистов—разросталось все большие больше.

Он слышал все возрастающие крики...

— А—а—а—ай! О—о—о—йй! У—у—у—у...

Раскаты этих диких криков походили на раскаты грома...

— Мы про—кли—на—емм!... Мы про—кли—на—емм!—вдруг донеслось до ушей Капитала.

Король даже слегка приподнялся.

„Кого **они** проклинают?" мысленно спросил он себя.

— Ко—роль... Мы про—кли—наем те—бя!—громовым раскатом пронеслось по всему царству Капитала.

— Меня! **Они** проклинают **меня**, короля Капитала?!—воскликнул король и встал.—Рабы смеют громко проклинать своего господина?!

В кабинет в это время вошли царица Реклама и баронесса Мода.

— Привет тебе, король!—воскликнула Реклама, остановившись посредине кабинета.

Это была высокая стройная женщина, одетая в причудливое яркое платье.

Капитал считал ее очень красивой, но злые языки придворных дам утверждали, что она похожа на тех размалеванных женщин, которых изображают живописцы на вывесках первоклассных магазинов готового платья.

Баронесса Мода была маленькая изящная женщина, воплощающая в себе одновременно: похоть, целомудрие, кокетливость и скромность.

Увидев вошедших, король подозвал их к себе.

— Подите сюда.. Вы мне обе нужны...

Царица и баронесса подошли к Капиталу.

— В чем дело, король?—спросили они, а Реклама тревожно добавила:

— Я вижу нехорошие тени на твоем королевском лице...

— Смотрите вдаль... И слушайте!—приказал Капитал.

Обе начали смотреть и слушать.

— Ну?—нетерпеливо спросил Капитал.—Что значит все это?

— Война, ваше величество...—поспешила с ответом баронесса Мода.

— Великая война...—сказала царица Реклама.

— Я знаю это сам, но не слишком ли велико зарево, не угрожают-ли нам эти крики?—отчеканивая каждое слово, произнес Капитал.

— О, нет, мой король!—звонким, беззаботным голосом ответила Реклама. Война протекает во славу твою. Капиталисты сильные победят капиталистов слабых и царство твое лишь окрепнет от этого, мой дорогой Капитал!.

— А эти стоны и крики рабов даже красивы! Они так приятно щекочат нервы. Я люблю эти звуки...—спокойно сказала Мода и лицо ее изобразило одновременно невинность, садизм и сладострастие.

— Вы находите, что все происходящее там, в Европе и Азии—нормально? И оттуда ничто не угрожает моему трону?—спросил Капитал.

— Все нормально и ничего не угрожает,—ответила Реклама и подошла к королю.

— Послушай, дорогой мой,—сказала она, прикасаясь рукой к плечу короля и заставляя его опуститься в кресло.—Я скажу тебе по сему поводу многое...

Реклама присела на ручку кресла, а изящная Мода, опустилась на подушку у ног короля и свернулась в маленький, пикантный комочек...

— Война протекает нормально...—продолжала Реклама.—Я делаю все для того, чтобы сделать ее популярной. Тысячи лучших журналистов, писателей, художников и поэтов воспевают военные подвиги, слагают гимны в честь победителей, рекламируют и популяризуют войну словом, кистью и пером. Моя работа очень успешна: в Европе, Азии, да и на всем земном шаре все и все заняты войной. Она властвует над душами и сердцами людей. Для войны капиталисты мобилизовали все: мораль, науку, искусство, религию, технику и т. д. Рабы-Трудящиеся, которые склонны были еще вчера бунтовать против нас,—сегодня связаны по рукам и ногам и послушными миллионными толпами идут на смерть, идут во славу твою.

— Все мои поклонники и поклонницы очарованы войной...—приятнейшим голоском, точно пролепетала, баронесса Мода.—В костюмах, в шляпках, в театрах, на улицах, в хижинах и дворцах все подражают мне, все заражены мною духом войны.

— Это модно, модно... кричит толпа и создает общий, полезный для нас тон. Дети и юноши воспитываются по модному в духе войны и только для войны...—закончила изящная баронесса.

— Ну, а... она... вождь трудящихся... смеющая мечтать разрушить царство мое? Где она теперь?—спросил король, сдвинув свои густые брови.

— Ваше величество говорит о Революции?! Ха, ха, ха, ха! Она, презренная забилась где-то в дальний угол и не смеет больше показываться на земном шаре...—весело ответила Реклама.

— Не модная теперь особа эта госпожа Революция,—задорно вставила Мода.

— Так значит все спокойно? Дом мой стоит на прочном фундаменте?—почти радостно спросил Капитал.

— О, да, король мой!—ответила Реклама и своими выточенными руками обвила шею короля Капитала....

И было затем веселье и много страсти—всю ночь—во дворце короля Капитала.

(Продолжение следует).

Альфа-Бэта.

АЛЫЙ ДИФИРАМБ.

Гори, стихийное, кроваво-красное,
Под небом сводчатым, под голубым!
Буди поникшее, в ярме согласное,
Покорно-слабое, как дым!...
Гори эмблемою борьбы иззлобленной,
Борьбы работников, фабричных львов!
Спаяв, их силою одной, недробленной,
Веди на идолов, веди без слов!
Сожги пустынею, сожги неправое,
Пожаром вытопчи земное зло!...
Гори, как мщение, гори, кровавое,
Врагам—багровое, а нам светло!...
Гори, высокою стеной—лавиною,
Прожги и площади, и небеса!

Гори великою красот картиною...
Придет заутреня, спадет роса!..
Спадет первичная, напитком жаждущих,
Омочит губы их, чело и грудь
И белым голубем исцелит страждущих
Покажет солнышко и верный путь.
А там грядущее... а там желанное
Ступень широкая... Коммуны Храм...
Придет улыбкою веками-жданное
На встречу блещущим, алмазным дням!..
Гори, стихийное, кроваво-красное,
Под небом сводчатым, под голубым!
Буди поникшее, в ярме согласное
Покорно-слабое, как дым!

Бурав.

СОБСТВЕННЫЙ КОМИССАР.

(Рассказ).

I.

Почему почтенный Павлович не уехал со всем своим почтенным семейством, вслед за своими знакомыми, друзьями, родственниками?.

Это казалось загадкой. Об этом много говорили на бирже, в мелочных лавках того квартала, где жили Павловичи, а в воскресенье вечером в первоклассном кафе вокруг этого таинственного вопроса разгорелся горячий спор.

— Сумасшедшие! Глупцы! Идиоты!—с азартом кричал маленький Лейбович.—Да этому старому Павловичу просто следовало бы всыпать хорошенько! С его капиталами сидеть и ждать большевиков! Ну? Что вы скажете о таком сумасшедшем?

Маленький Лейбович потому так горячился, что купец Павлович был его идеалом, предметом его зависти. Сам он, маленький Лейбович, целые дни бегал по улицам, простаивал у дверей банкирской конторы, менял „осты" на „думские", „царские" и „керенки", торговал пшеничной мукой и сахарином, скупал у немцев казенные вещи,—а разбогатеть ему так и не удалось. Не везло! С трудом перебивался в то время, как тут же у него на глазах Павлович и другие счастливцы на этих же делах заработали тысячи.... да что тысячи?—миллионы!

— Да если бы мне состояние Павловича, стал бы я ждать большевиков с их конфискациями, контрибуциями и другими напастями!—волновался Лейбович.—Послушайте, у него же капитал не в товаре и не в имуществе, а в наличных деньгах и бриллиантах.. Сел и уехал... И везде богач!.. Вы говорите, некуда бежать? А почему не в Вильну или Ригу?.. Что?.. В Вильну и Ригу тоже придут большевики? Ну, так опять сел в вагон и поехал в Варшаву или куда-нибудь еще. С полным бумажником везде хорошо!.. А сидеть здесь со стороны Павловича настоящее безумие: Не думает ли он, что большевики его по головке погладят за его прежние делишки с немцами? Или не думает ли он, что никто не знает, что у него запрятан миллиончик наличных, а то и больше?.. Так чего же он сидит, старый дурак, сумасшедший, идиот, которого еще свет не видал!

Так горячо к сердцу принимал дело Павловичей один только маленький Лейбович. Он был, вообще, человек с пылким темпераментом, а в данном случае считал себя лично оскорбленным, обманутым. Разве он не подражал во всем Павловичу? Разве он не считал Павловича идеалом по уму, деловитости, осторожности, дальновидности и такту? И этот образец, этот учитель так внезапно разбил его веру! Оказался таким неосторожным и неумным!

Остальным собеседникам до Павловича, собственно, никакого дела не было: не хочет бежать, пусть сидит!.. Но любопытство было задето и у них. Когда о приходе советской власти заговорили, как о деле неизбежном и богачи засуетились, складывая чемоданы, весь город называл ловкого спекулянта Павловича в числе тех, которые побегут первыми. А он сидит, как ни в чем не бывало!.. Не сошел-ли и впрям с ума этот хитрый делец?...

— Послушайте что я вам скажу!—раздался откуда-то со стороны тихий голос.—Вы упустили из виду одну маленькую подробность.

На это скромное замечание сразу обратили внимание все собравшиеся вокруг Лейбовича.

— А ну? Послушаем, что говорит Синьковский.

— Синьковский должен знать! Ведь, он дает урок мальчику Павловича.

— И бывает в доме Павловича....

— Говорите же, Синьковский.

— Как по вашему, господин Синьковский? Почему Павловичи не бежали?

Синьковский не выходя из угла, в котором сидел за стаканом пива, спокойно и вразумительно повторил:

— Вы упустили из виду маленькую подробность.

— Но что? О чем вы говорите?

-- Вы забыли про Владислава Павловича! Про Владика вы забыли!

На минуту все замолчали. Словно смутились. Застыли от неожиданности, от волны яркого света, озарившего тьму загадки.

Потом заговорили все сразу, с нервным возбуждением, с крикливым азартом.

Как могли они забыть о Владиславе Павловиче, о Владе? О „Владиньке-большевике", о котором когда-то говорил весь город, да и теперь вспоминали часто?.. О старшем сыне Павловича, которого отец прогнал из дому и который в последний год стал видным деятелем среди большевиков?..

— А разве Владысь приедет сюда?—тихо спросил Лейбович.

— Ну да!—ответил Синьковский.—И он не кто нибудь! Он важная персона! Я не знаю, комиссар или как у них называется....

— После этого я должен вам вот что сказать...—удовлетворенно заявил Лейбович, я должен сказать, что Павлович, как был, так и остался умнее нас всех!

И для большего эффекта, сделав паузу, маленький Лейбович философски заключил:

— Человеку, у которого есть такое близкое родство с большевистской властью, совсем не за чем бежать! Шутка сказать—собственный комиссар!

II.

В семье Павловича с волнением и тревогой ждали приезда Влади. Говорили только о нем. Приготовили для него лучшую комнату; сам Станислав Антонович уступил свой кабинет. Но все же не были уверены, что Владик оценит их гостеприимство.

Особенно волновались женщины.

— Папаша!—с тревогой в голосе спрашивала панна Эмилия. А вы уверены, что Владик заедет к нам?

— Ведь мы же буржуи!—поддерживала сестру панна Ядвига. Ведь, ему даже неудобно будет у нас жить! Он, может быть, стыдится нас!..

— Стыдиться ему, положим, нечего!—с достоинством возражала дородная пани Павлович, играя

бриллиантами на своих толстых пальцах.—У нас, слава богу, хорошее имя... Павловичи не какие нибудь голыши, что бы их стыдиться!.. Но он, может быть, сердит на нас... Я всегда говорила отцу: „Станислав, он же все таки наш сын, родная кровь!" А отец ничего знать не хотел!.. „Не надо мне сына социалиста"... И когда он, бедненький, сидел в тюрьме, отец даже на письмо ему не ответил... И если он это помнит...

— Ничего он не помнит,—грозно отрезал Станислав Антонович.—И нечего каркать, как ворона!.. Я вам говорю, будет хорошо, и будет хорошо!

Станислав Антонович не поддавался никаким сомнениям.

— Я не хочу думать о прошлом!—говорил он.—Разве я пророк? Разве я мог предвидеть, что из его сумасшедших идей выйдет настоящее дело? Разве я мог думать, что Владислав станет начальством?.. Мало что было когда то!.. Он же сам понимает, что было другое время!.. Он же все таки мой сын!. И вы увидите, что сын Станислава Антововича Павловича не такой глупый, как вы думаете!.. О, вы увидите, мы с ним будем делать дела получше, чем с немцами.

Уверенность отца семейства постепенно передалась и дамам. По мере приближения момента приезда Владика, Павловичи веселели и оживлялись. Тревога исчезла, осталось только нетерпеливое волнение.

— Я попрошусь на службу,—говорила Ядвига,—Владик меня устроит!.. Ему, ведь стоит сказать слово!.. Я буду всем говорить: „я советская служащая!".

— Я тоже,—вторила панна Эмилия,—я попрошусь в отдел продовольствия. Там, говорят, хорошо...

— Ну вот!—одобрительно и удовлетворенно поддерживал дочерей Станислав Антонович.—Ну вот, мы уже и перестанем быть „буржуями"!.. А?.. Так зачем нам трястись в вагоне, бежать куда-то в Вильну, а оттуда еще куда нибудь?.. Когда имеешь родного сына комиссара, так и с большевиками можно делать хорошие дела!

22 (9-го) января 1919 г. в Минске.

22 (9) янв. 1919 г. в Минске.
На лошади губернский военный Комиссар тов. Кривошеин.

III.

Владислав Павлович приехал.

Об этом знал весь город, ибо он был одним из энергичных и талантливых представителей новой власти, выступал на митингах и занимал видный пост.

Но напрасно отец, мать и сестры ждали его к себе. Ждали каждое утро, ждали по вечерам, Пробовали написать ему, но даже ответа не получили.

— Но вот вам ваш Владик,—переругивались дочери с мамашей—Выйти на улицу нельзя! Каждый спрашивает: „Ну, что ваш братец"?... „Ну, вы уже,

конечно, на советской службе?“... Приходят за протекцией... „Ведь, вы все можете!... Ведь, вам стоит только намекнуть вашему брату!..“ А этот милый братец даже показаться не соизволил!.. Вот вам ваш Владинька!...

Станислав Антонович долго ждал. Ждал молча и угрюмо, по целым дням шагая по комнате и куря папиросу за папиросой. Жалобы и упреки дочерей и жены пропускал мимо ушей, отмахиваясь широким жестом нетерпения.

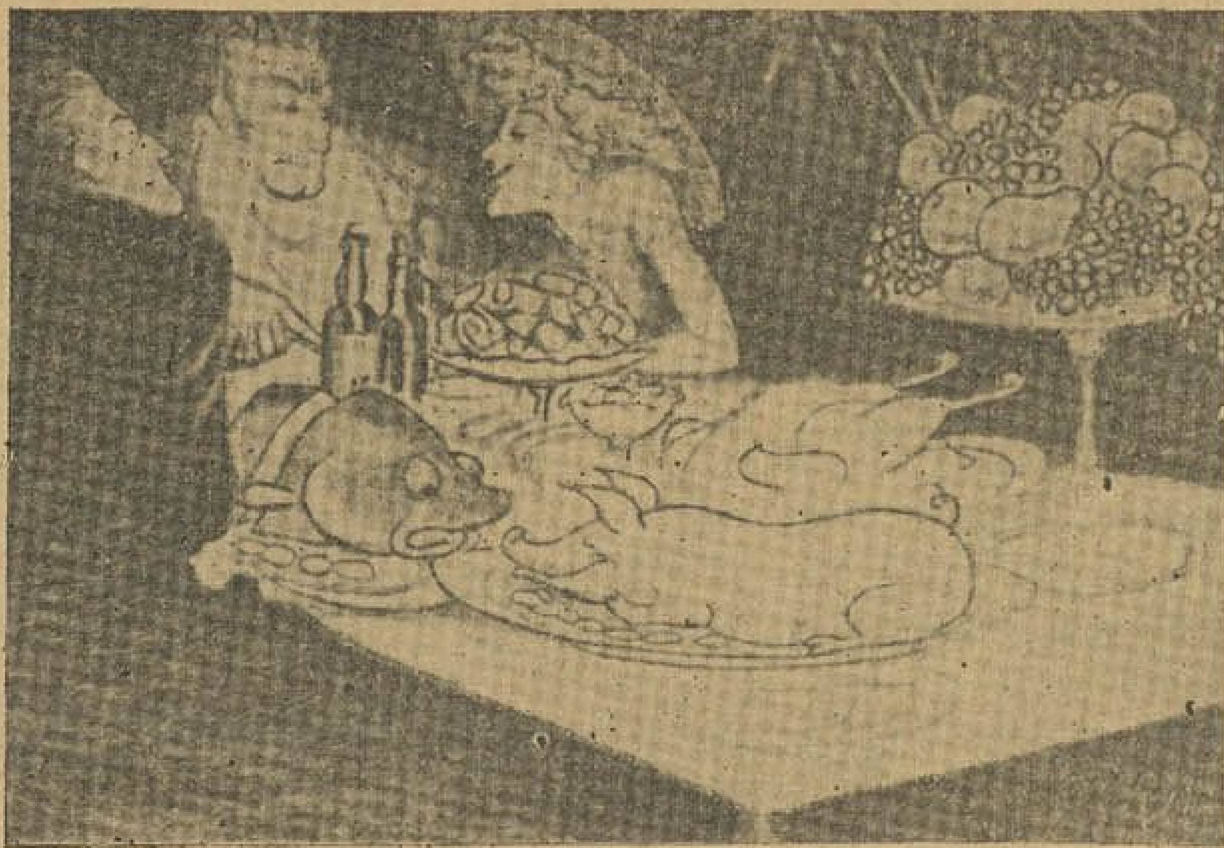
Так прождал он неделю.

Потом сразу встряхнулся, оделся в сюртук, аккуратно расчесал бороду и заявил:

— Сын не идет к отцу, отец пойдет к сыну!.. На письмо можно не ответить, но лицом к лицу мы столкуемся, не безпокойтесь!.. И унижения тут никакого нет!—сам себя успокаивал Павлович.—Такие времена настали. Он же, в самом деле, начальство, а начальство любит, что бы ему оказывали честь!..

Учреждение, во, главе которого стоял Владислав Павлович, занимало дом, в котором всегда жило начальство. Старику Павловичу и раньше приходилось здесь бывать, и он привык заходить сюда тихий и скромный, стоять в очереди, низко... Но, ведь, теперь он шел к Владику, к родному сыну!.. Поэтому его несколько покоробило, когда у него потребовали пропуск... Однако, возражать не стал, пошел за пропуском.

— Вам по какому делу к товарищу Павловичу?—спросил служащий.

Минская буржуазия борется с продовольственным кризисом.

— Для кого он товарищ, а для меня так просто сын!—с достоинством отозвался пан Павлович.

— Значит, по личному делу?—равнодушно отозвался служащий.—Вот вам пропуск, если очередь дойдет до вас....

Очередь?.. Очередь для отца?.. Станислав Антонович хотел вступить в спор, но сдержался, лучше, если он будет вести себя тихо, смирно, послушно... Пусть видят, что он привык уважать начальство, даже если это начальство—его собственный сын!

IV.

— Садитесь, папаша!—с холодной вежливостью сказал Владислав, указывая на кресло.

Станислав Антонович готовился принять „блудного сына“ в об'ятья, может быть, даже всплакнуть. Официальная вежливость сына смутила его. Он тихо сел.

— Чем могу служить, гражданин Павлович? Здесь уже чувствовалась явная насмешка.

Павлович несмело поднял опущенные веки и взгляд его встретился с твердым, ясным, иронически-проницательным взглядом Владислава.

— Что ты, Владик?..—обиженно произнес отец.—Разве так говорят отцу? „Гражданин Павлович“... Ай, как нехорошо, сын! И „чем могу служить?“.. Что значит служить? Почему служить? Я отец, а ты—сын. Так при чем тут—„служить“... „гражданин“... вообще...

Павлович остановился, ожидая возражений или оправданий.

— Продолжайте, папаша!

— Вообще .. Нехорошо, сын мой... Твоя мать, твои сестры с таким нетерпением ждали тебя... Комнату тебе приготовили... Думали, что к нам заедешь... А ты...

— Продолжайте, папаша!

— А ты даже на письмо не ответил,—начиная волноваться под пронизывающим взглядом сына и, уже оправившись от смущения и впадая в тон раздражения, продолжал Станислав Антонович.—Очень нехорошо, сын мой! Перед людьми стыдно и перед Богом!.. Я, старый отец, ждал тебя. Я думал, вот приедет Владислав, он теперь большой человек, у него теперь большие дела... Ну, придет к отцу, будет с ним советоваться. . Отец, ведь, кой что понимает в делах! .

— Что? Что вы сказали, папаша?—оживился Владислав и по всему лицу его расплылась веселая улыбка.—Вы думали, что я приду к вам и буду советоваться с вами о делах? С вами? О наших социалистических делах?.. Нет, это уж черезчур забавно!..

— Социалистические, коммунистические... Это все равно! Дела всегда остаются делами!—уверенно сказал Станислав Антонович.

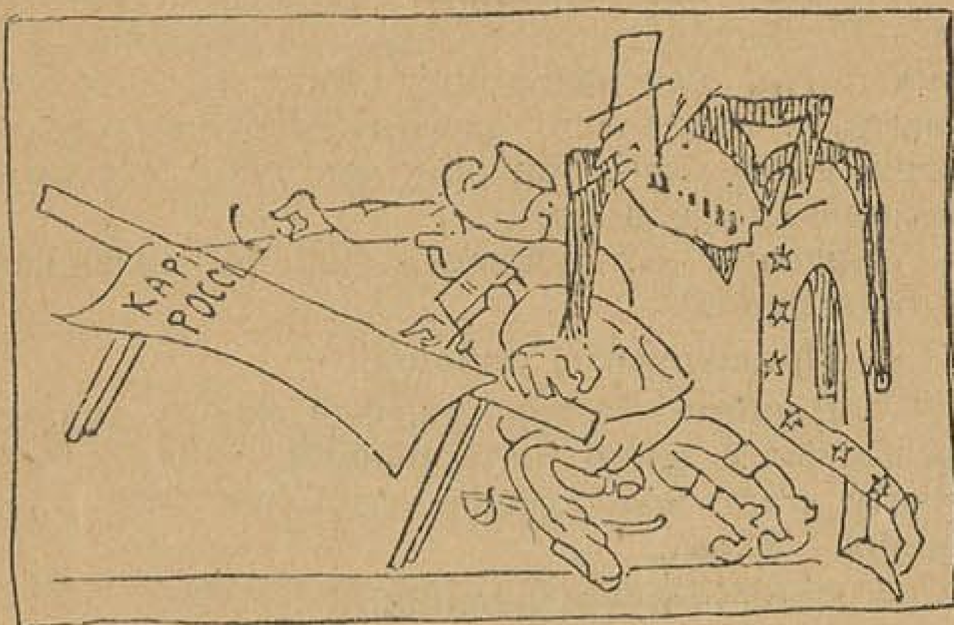
Владислав встал, взволнованно прошелся по комнате, остановился перед отцом и заговорил спокойно, но решительно:

— Я выслушал вас, папаша, и понял вас. Теперь выслушайте меня. Я буду краток, потому что время мое дорого... Скажите-же, папаша, неужели вы забыли ваше торжественное заявление, что я вам не сын?... В минуту слабости—мне стыдно до сих пор!—из тюрьмы я протянул вам руку, я просил помощи.. Вы мне не ответили!.. Ни вы, ни мать, ни мои милые сестрицы!. Я ждал месяц, два .. Потом я сказал себе—да, я им не сын, и не брат. Мы в разных лагерях, во вражьих лагерях...

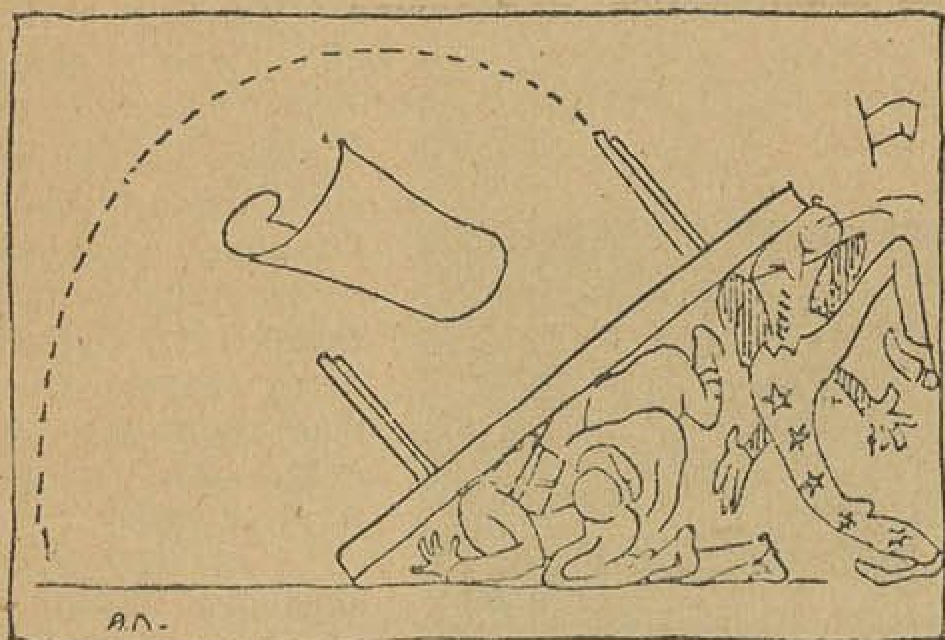
— Ну зачем говорить о старом?—смущенно вставил Станислав Антонович.

— Я не злопамятен, папаша, и отнюдь не собираюсь мстить. Я только даю вам справку о том моменте, когда окончились наши взаимные обязательства, ваши отцовские и мои сыновьи. И окончились они тогда навсегда, бесповоротно. И никаких новых поводов к пересмотру этого дела я не вижу, папаша!

— Ах, боже мой! Но, ведь, это так ясно, Владислав! Ведь, все переменилось! Ведь, теперь

„Союзники“: — Итак, господа, еще один нажим и....

И....

мы, я, твой отец, мать, сестры и маленький брат, мы нуждаемся в твоей помощи и защите.

Владислав взглянул на отца.

— Мне все о вас известно, папаша. Если бы вы остались без средств, нуждались в хлебе и в заработке, будьте уверены, что я помог бы вам... Но я ведь знаю, что вы нажили миллион...

— Тем более, тем более, сын мой!.. Именно мне в моем положении и нужна твоя помощь и защита!..

Владислав вспыхнул.

— Не думали-ли вы, что я помогу вам скрыть ваши награбленные деньги от конфискации и контрибуции? Или, что я помогу вам умножать ваши богатства на новых спекуляциях?

— Ах, mój Boże! Подумаешь, какой грех! Помочь отцу!.. Разве я для себя собираю деньги? Ведь, в конце концов они достанутся тебе же!

— Прекратим этот разговор, папаша. Нам с вами больше не о чем говорить. Меня ждут другие посетители.

Павлович встал.

— Значит, примирения нет, Владислав? Владислав усмехнулся.

— Если вы очень хотите его, оно возможно. Конечно, при известных условиях.

— Ну, ну! Предлагай, может быть, сговоримся!

— Если вы пришли ко мне, значит, вы признаете, что мы победили?

— Что значит признаю? Уже одно то, что ты сидишь здесь, за этим креслом...

— Совершенно верно. И я, и вы, мы одинаково сознаем, что победители—мы. А победитель ставит условия мира.

— Ну, я жду.

— Условие только одно: сдача оружия.

— Какого оружия? Я и оружие! Что ты говоришь, Владик?

— Ваше оружие—это ваши деньги, папаша!

— Так ты хочешь... Так ты требуешь... Что бы я свои капиталы... все, что я скопил..

— Да да, все папаша! Что бы вы все сдали победителю, рабоче-крестьянской власти... И тогда мы помиримся. Я найду работу и для вас, и для сестер...

Старый Павлович усмехнулся.

— Ну, у меня есть теперь утешение,—не без скрытой злости сказал он.—Мой сын хоть немножечко „того“ (он указал на лоб), но он совсем не глуп!

И даже не прощаясь, он вышел.

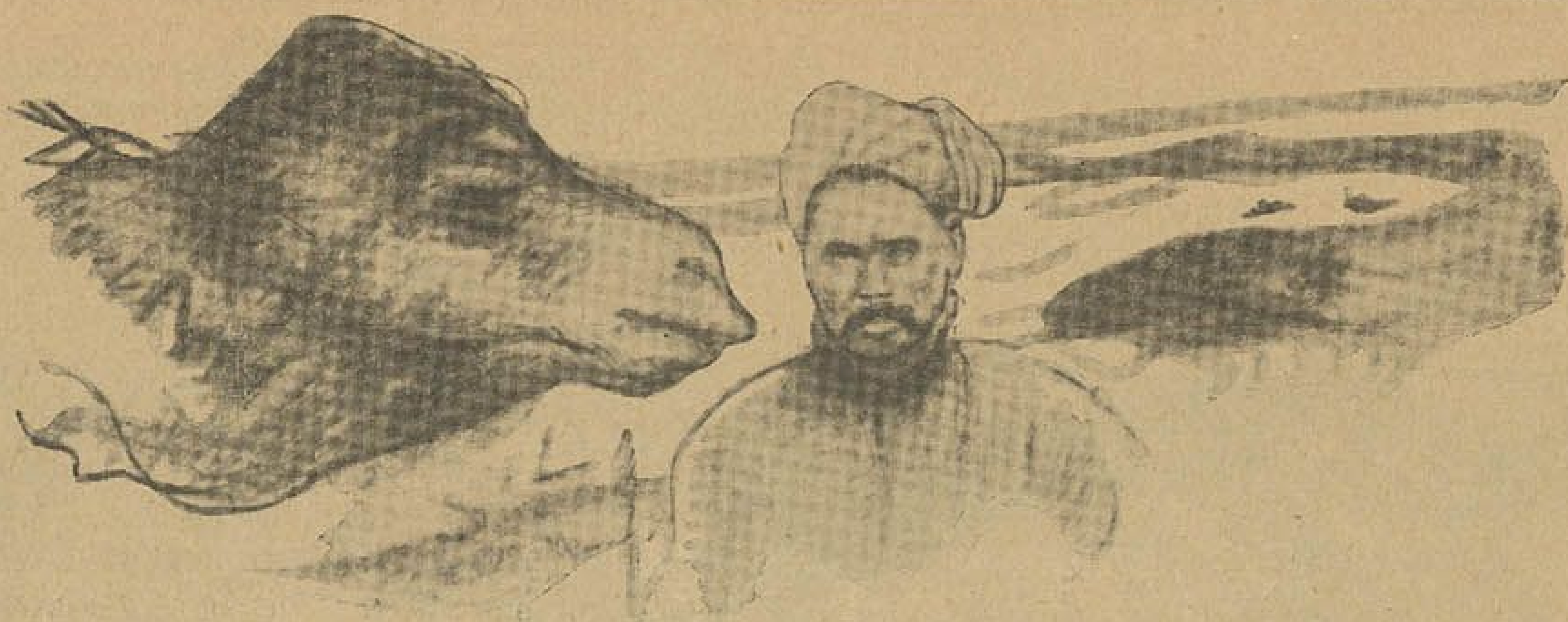
V.

Дома Станислав Антонович дал самый короткий, но весьма выразительный отчет о своем свидании с сыном:

— Собственный комиссар!—восплиннул он.— Когда у тебя есть собственный комиссар, то это значит, что ты должен получше спрятать свои деньги! О, собственный комиссар!.. И почему я старый дурак, не уехал? Чего я ждал?

Виктор Юз.

ИРГАШ-БАЙ

(Из туркестанских воспоминаний).

I.

Ко мне в комнату вошел мой квартирный хозяин—бывший присяжный поверенный, а затем—городской голова—Ефим Осипович Гурвич.

— Хотите посмотреть на местную „знаменитость“?—спросил он меня.

— На кого именно?

— Ко мне пришел курбаши*) Старого Коканда—Иргаш-бай.... Наш туркестанский Зелим-Хан. Предлагаю взглянуть....—сказал Ефим Осипович и направился в свой кабинет.

Заинтересованный, я последовал за ним.

У порога кабинета стояли двое мужчин: один с винтовкой в руках—мрачный молодой киргиз лет 28, а второй—сарт, лет 40 с маленькой черной бородкой и лукаво-умными глазами. В руках он держал меховую шапку, опираясь локтем левой руки на рукоятку длинной кривой сабли.

Увидев нас, он поклонился и протянул нам руку.

— Вы ко мне, с докладом, курбаши?—спросил Гурвич сарта.

— Да... Тильмач бар? *)

— Бар ... (есть).

Гурвич позвал своего переводчика Саддулу и начал выслушивать от курбаши длинный, неинтересный для меня полицейско-хозяйственный доклад.

Мне стало скучно и я минут через семь ушел в свою комнату работать.. .

*) Курбаши—начальник полиции; нечто вроде нашего полицеймейстера.

*) Переводчик есть?

Жертвы белогвардейского восстания в Поречском уезде, Смоленской губернии.

II.

— А вы напрасно ушли.... Надо было побольше понаблюдать за этим типом....—начал Ефим Осипович, через час появляясь на пороге моей комнаты.

— Я ничего не понимаю.... Каким „Зелим Ханом“ может быть начальник милиции Старого города?—спросил я....

— Может..... Вот послушайте. Когда либо воспользуетесь этим материалом....

И Гурвич поведал мне весьма интересную историю.

— Фергана, как известно, издавна славилась сво-

Прибытие Советских войск к Рогачеву.

ими разбойниками. Ведь старые кокандские ханы это никто другие, как лучшие из лучших разбойников, которым поклонялись и которых чтили сарты. И сейчас в степях и горах Ферганы бродят шайки басмачей*), руководимые удалыми, атаманами. Эти басмачи грабят сартовские кишлаки**), делают набеги на горные киргисские аулы, разбойничают по большим дорогам.

Наша бывшая полиция и теперешняя милиция зачастую выдерживала и выдерживает целые бои с басмачами. Разбитые, они уходят в горы или в далекие степи и там снова формируют отряды для новой кровавой работы.

Лет пятнадцать тому назад у нас в Фергане появился молодой разбойник Иргаш. Имя его вскоре стало весьма „популярным" во всей Фергане.

Неуловимый и дерзкий, он грабил, главным образом, „баев",***) не только щадя бедных, но даже им помогая.

В течение долгого промежутка времени тщетны были все усилия полиции и даже отдельных воинских команд. Его людей выбивали, но его самого „Аллах хранил от пули", как до сих пор говорят суеверные сарты.

Иргаш „орудовал" не только по деревням, аулам и селам—он неоднократно дерзал нападать даже на окраины Старого Коканда.

Сартовские и бухарские купцы Коканда не раз в мечети собирались на „масляхат"****) и обсуждали вопрос—как предохранить себя от нападений этого разбойника.

Твердо были убеждены сарты в том, что полицейскими мерами не застрахуешь себя от Иргашки.

Но вот год тому назад, приблизительно в том же районе, в котором оперировала шайка Иргаша, появилась другая шайка—молодого, но весьма удалого разбойника по имени—если не ошибаюсь—Убайдулка. Этот Убайдулка происходил из рода, враждующего с родом Иргашки. Таким образом на одной арене встретились два кровные врага.

Иргаш отправил послов Убайдулке.

Они ему предложили: Уйди из этих мест! Ступай к Ошу, Чусту, или ступай к Кашгару грабить караваны китайских купцов, но не мешай здесь работать Иргашке.

Убайдулка, усмехнувшись ответил:—Скажите Иргашу, что волен он изгнать меня из Кокандских областей, но по добру отсюда не уйду. Хочу работать рядом с ним....

Иргаш понял, что отныне у него два врага. Один—полиция, или милиция, второй—шайка Убайдулки.

Иргаш решился на „чрезвычайные меры" чтобы только отомстить Убайдулке.

В один прекрасный день в главной кокандской мечети появились „послы" Иргаша и предложили собравшимся на „масляхат" старейшинам сартов:...

— Хотите, чтобы Иргаш жил с вами в мире? Хотите, чтобы Иргаш не грабил вас, а служил вам?—спросили они.

Убеленные сединами сарты с изумлением переглянулись между собой.

— Иргаш предлагает служить нам?—недоумевающе переспросили они.

— Да: верой и правдой! Он готов поклясться в этом на Коране....—подтвердили два посла, „лучшие" бандиты Иргаша.

Затем они пояснили:

— Пригласите Иргаш-бая на должность курбаши Старого Коканда и волос не упадет с головы вашей, никто не дотронется до ваших богатств.

*) Басмач—по сартовски значит разбойник.
**) Кишлак—деревня.
***) Бай—господин, богатый человек.
****) Масляхат—совещание.

Сарты начали совещаться.

— Иргаш обещает поклясться на Коране.?!. Иргаш—мусульманин, а мусульманин не может врать, когда клянется на Коране. Мы должны поверить ему и мы будем жить в спокойствии,—говорили между собой мудрые старцы.

Затем послали они своих представителей в „Мухториат" (к „Правительству Автономного Туркестана") и тот сказал, что можно сделать курбашей Иргаш-бая.

Вместе с послами поехали к Иргашу три представителя Старого Коканда.

В горном киргисском ауле подписали они соглашение. Иргаш-бай поклялся на Коране в присутствии муллы, распустил свою шайку и с несколькими лишь джигитами, прибыл на полицейскую службу в Старый Коканд...—закончил свой рассказ Гурвич.

— А не разбойничает Иргаш „под сурдинку"?—спросил я Гурвича.

— О, нет! Ведь он клялся на Коране....—с улыбкой ответил Ефим Осипович и вышел из комнаты для разговора с каким-то просителем.

III.

Прошло дней десять.

Как то однажды ко мне в комнату вошел переводчик Гурвича - Саддула и таинственно сообщил мне:

— Вчера было нападение басмачей на Старый город.... Ограблены три лавки и убит один джигит Иргаш-бая.

— А что же Иргаш?—спросил я....

— Иргаш собирается в поход. Он едет с джигитами поймать и застрелить Убайдулку.... Ведь это он напал на Коканд.

Заинтересовавшись этой историей, я отправился в Старый город.

Вот что я узнал и увидел там....

Как только Иргаш поступил на службу в Коканд, Убайдулла решил, что он еще более должен мстить Иргашу.

К Убайдулле присоединились и те бандиты, которых распустил Иргаш-бай.

Этими соединенными силами Убайдулла надеялся произвести налет на Старый Коканд и схватить Иргаш-бая или вызвать его на бой в поле.

Вчерашнее нападение было пробной операцией....

Сартовская разведка донесла, что отряд Убайдулы сосредоточивает свои силы в одном кишлаке, в 17 верстах от Коканда.

Силы Убайдулки превышали четыреста человек, вооруженных винтовками, револьверами, ножами и кривыми саблями.

Против этих сил и собирался в поход курбаши Иргаш-бай.

Он взял с собой сотню своих джигитов (милиционеров), помолился с ними в главной мечети, под'ехал к здании „Мухториата" (Автономного Правительства) и торжественно заявил собравшимся сартам:

— Я иду сразиться за вас с Убайдулкой. Вы сами сказали мне, что у него 400 джигитов, а у меня их только 100.... Тем не менее я иду во имя Аллаха и, если он позволит, я доставлю вам разбойника завтра, прежде чем вы сотворите вашу первую вечернюю молитву.

Иргаш и его „воины" сели на коней и ускакали в степи.

IV.

Убайдулла предполагал, что Иргашка выедет к нему на встречу и потому готовился к смертельному бою.

Вступление советских войск в Рогачев.

Шайка разбойников заняла кишлак, который был расположен на командующей высоте....

Знал Убайдулка про то, что Иргаш не сможет вывести против него более сотни джигитов, а потому заранее предвкушал плоды победы. Он уже говорил своим приближенным о том, какие пытки и муки он уготовил изменнику и предателю Иргаш-баю.

Но не пришлось торжествовать Убайдулле....

Ночью атаковал его кишлак Иргаш-бай, зажег селение и выбил из него разбойников.

Вместе с Убайдулкой бежали разбойники, в надежде занять соседний кишлак.... Но там уже была приготовлена засада Иргаша.

Метким огнем она встретила джигитов Убайдулки, десятерых из них уложила, а семь человек сдали оружие.

Был схвачен и сам Убайдулка.

V.

Сдержал свое обещанье Иргаш-бай.

К вечеру (еще мулла не призвал правоверных к молитве) прибыл в Старый Коканд курбаши Иргаш-бай.

Прибыл с пленными, с самим Убайдулкой, во главе своего отряда, который потерял лишь двух человек (недаром же сам Аллах хранил Иргаш-бая, сделав его непобедимым!).

Сартовские граждане вышли на улицу от мала до велика и громкими криками приветствовали победителя.

Когда он под'ехал к мечети, чтобы сотворить благодарственную молитву Аллаху, многие из граждан осыпали Иргаша мелкой серебряной монетой, **то есть, оказали ему ханские почести.**

Убайдулла, связанный по рукам и ногам ехал на арбе.. За ним плелись окруженные конвоем, избитые, со скрученными назад руками, пленные, т. е., разбойники из шайки Убайдуллы.

Обезумевший от ужаса, Убайдулла все время кричал:

— Разбойник должен быть наказан! Разбойник должен быть наказан....

Кокандские сарты хотели расправиться судом Линча с Убайдуллой и его сподвижниками, но Иргаш остановил и вразумил толпу:

— Не троньте их! Аллах покарает их несколько позже....

И „Аллах покарал“.

Тщетно городской голова и милиция русского Коканда требовали от курбаши Иргаша выдачи арестованных разбойников.

Иргаш не выдал их.

На площади Старого Коканда были врыты в землю столбы, к которым приковали Убайдуллу и его сподвижников.

Два дня озверевшая толпа сартов издевалась над ними и мучила их.

На третий день все они были убиты, при чем Убайдулку зарезал ножем сам курбаши Иргаш-бай....

. . . .

Вскоре в Коканде разыгрались крупные события.

Сартовская буржуазия и чернь, руководимая фанатичными муллами, восстала против Советской власти, напала на Кокандскую крепость, а затем в течение целой недели вела кровавую борьбу с красными войсками.

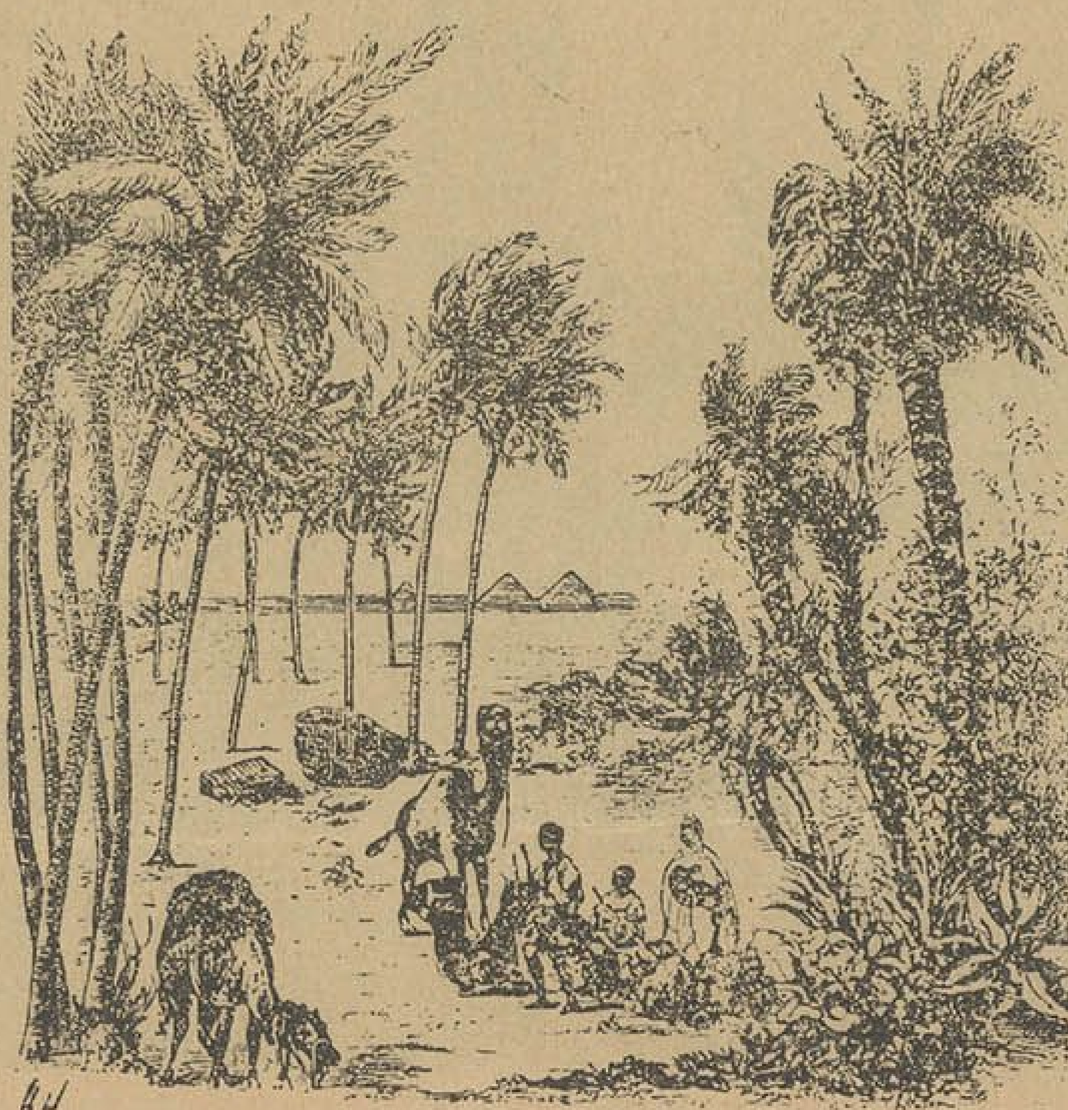
Во главе сартов стояло, так называемое, „Временное Правительство“ Автономного Туркестана.

Иргаш был противником всей этой авантюры, убеждал „Правительство“ не начинать ее, но когда помимо его воли события разыгрались, Иргаш-бай сражался на стороне Автономистов.

После проигранного сражения, когда остатки „правительственных войск“ вынуждены были уйти в горы, Иргаш отправился вместе с ними.

Спустя несколько месяцев после вышеописанных событий мне передали, что Иргаш снова сформировал шайку и возвратился к своей старой профессии....

А. Г.

ЦЕНА 2 руб.

25 к.

№ 72